

СЛЕПОЙ КАДАСТР

СТАНИСЛАВ РУБИНОВ

Станислав Рубинов

Слепой кадастр

«Автор»

2026

Рубинов С.

Слепой кадастр / С. Рубинов — «Автор», 2026

В архивных ведомостях Главного управления геодезии урочище Мокрый Дол числится среди «мертвых площадей» – территория внутри замкнутого контура физически существует, но не сходится ни с одним земельным балансом. Опытный инженер Илья Вересов, привыкший доверять исключительно оптике теодолита и законам геометрии, отправляется в глухую заброшенную низину, чтобы выверить государственные реперы и закрыть давнее дело. Однако на месте строгая математика дает сбой: выверенные расстояния сжимаются вопреки показаниям приборов, ландшафт теряет объем, а сквозь болотный туман проступают очертания тех, кто уже пытался измерить эту землю. Вступая в спор с аномальной пустотой, изыскатель слишком поздно понимает, что столкнулся не с ошибкой старых топографов, а с беспощадной ревизией самой реальности – силой, для которой человеческая жизнь и плоть являются лишь неучтенной погрешностью, подлежащей немедленному списанию.

© Рубинов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. Нулевой пикет	5
II. Метод обратной триангуляции	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Слепой кадастр

I. Нулевой пикет

Погрешность началась не в тайге, а на бумаге.

В центральном архиве Главного управления геодезии и картографии дело номер 412/Б значилось в реестре «мертвых площадей». Папка из серого переплетного картона пахла нафталином и мышинным пометом. Внутри лежали планшеты мензульной съемки 1968 года, калька с тушевой разбивкой кварталов и тринадцать актов государственного межевания урочища Мокрый Дол.

На шестнадцатой странице стояла служебная помета чернилами «Радуга», оставленная рукой главного инспектора еще до его исчезновения:

«Сумма площадей выделов 12, 13 и 14 превышает общую площадь планшета на 4,8 гектара. При контрольном обходе по периметру внешняя граница замыкается без разрыва. Избыточная земля внутри контура физически существует, но не имеет выхода к смежным угодьям. Рекомендовано прекратить хозяйственную деятельность и перевести урочище в статус неизмеряемых территорий».

Илье Вересову дали этот наряд в конце сентября, когда над Ленинградом повисли первые свинцовые тучи.

Ему было тридцать четыре года. Десять из них он провел с теодолитом на плече, размечая трассы газопроводов в болотах Коми, выверяя уклоны железнодорожных насыпей и отыскивая старые чугунные реперы времен генерального межевания Екатерины II. Он верил в три вещи: в закон прямолинейного распространения света, в свинцовый отвес и в триангуляционную сеть первого класса. Для него мир был жестким каркасом из углов и расстояний; все, что не укладывалось в теорему косинусов, он считал ленью нетрезвых техников или осадкой грунта.

– Поедешь один, – сказал начальник экспедиционного отдела, глядя в окно на серую Мойку. – В совхозе «Северный луч» затеяли мелиорацию, хотят осушить низину под овес. Местные трактористы отказываются заходить за старый лесоповал. Говорят, борозды не сходятся. Трактор идет по компасу прямо, а через версту упирается в собственный след. Разберись с реперами. Поставь два капитальных знака, привяжи к государственной сети и закрой дело.

– А люди там есть? – спросил Илья, пряча командировочное удостоверение в кожаный планшет.

– Людей там нет уже лет двадцать. Последний хутор расселили в семьдесят втором. Осталась только изба ведомственного гидропоста. Там переночуешь.

Илья вышел на перрон станции Тума в три часа ночи.

Поезд ушел дальше на север, обдав его облаком горячего пара и запахом каменноугольного шлака. Вокруг стояла глухая, мокрая тьма. Ни фонарей, ни станционных построек – лишь деревянная платформа из почерневших шпал, уходящая в туман, и ржавая стрелка, заклиненная деревянным клином.

Его груз состоял из армейского вещмешка, брезентового чехла с тяжелым оптическим теодолитом Т2 на деревянном штативе с коваными наконечниками и деревянного ящика с мерной лентой из инварного сплава – металла с нулевым коэффициентом теплового расширения. Инвар не растягивался на жаре и не сжимался на морозе. Это был эталон длины, абсолютная правда в мире текучей материи.

До Мокрого Дола оставалось двенадцать верст по старой лесовозной колее.

Илья зажег керосиновый фонарь «летучая мышь» и зашагал по глине, мерно отсчитывая шаги. С детства у него была привычка калибровать собственный шаг: ровно восемьдесят

сантиметров от пятки до носка, тысяча двести пятьдесят шагов на километр. Эта внутренняя арифметика заменяла ему молитву.

На третьем километре дорога перестала быть дорогой.

Колеи заполнила черная, маслянистая вода, сквозь которую проглядывал настил из бревен. Лес по обе стороны стоял мертвый – вековые ели с сухими, изломанными вершинами, затянутые серыми космами лишайника. Здесь не пели птицы, не шуршали полевки в прелой хвое. Единственным звуком был мерный, чавкающий плеск его собственных резиновых сапог.

В шесть утра туман начал белеть, наливаясь холодным, рассеянным светом без солнца.

Илья остановился на гребне пологой моренной гряды. Внизу открывалась котловина урочища.

Это была чаша диаметром версты в три, заросшая рыжим хвощом и кривыми карликовыми березами. В центре котловины, у темного зеркала старицы, темнели три почерневшие бревенчатые избы с провалившимися замшелыми крышами. А над ними, на песчаном бугре, высился геодезический пункт – триангуляционная вышка из лиственничных бревен высотой с трехэтажный дом.

Пирамида стояла мертво, идеально прямо, вопреки законам гниения и тяжести.

Илья достал из планшета абрис 1968 года. Внимательно посмотрел на ориентиры. На бумаге старый мост через ручей должен был находиться слева от вышки, на расстоянии двухсот сорока метров.

Он поднял глаза. Мост был справа.

Илья моргнул, протер веки шерстяным рукавом куртки. Сверил компас. Стрелка прибора не крутилась бешеным волчком, как показывают в дешевых мистических романах; она замерла, указывая на север с хирургической точностью. Но деревянный сруб моста стоял на противоположном берегу старицы, там, где по карте тянулось непроходимое клюквенное болото.

– Ошибка ориентирования при полевой съемке, – вслух произнес Илья. Собственный голос показался ему плоским, сухим, словно вата глушила звуковые волны в полуметре от губ.
– Топограф пил горькую или работал в сумерках.

Он поправил лямки вещмешка и начал спуск в котловину.

II. Метод обратной триангуляции

Изба гидропоста сохранилась лучше остальных.

Нижние венцы из мореной лиственницы звенели под обухом топора, как чугун. Внутри пахло сухой полынью, керосином и старыми газетами. На бревенчатой стене у входа висел фанерный щит с правилами безопасности при ведении нивелировочных работ, датированный 1954 годом, а на столе стоял граненый стакан с засохшей мухой на дне и тетрадь в коленкором переплете.

Илья разложил снаряжение. Достал спиртовку, вскипятил воду из фляги, заварил крепкий грузинский чай. Железная дисциплина полевика требовала сначала обустроить базу, а затем выходить в поле.

Он открыл тетрадь со стола. Страницы пожелтели от сырости, чернила во многих местах расплылись, но почерк оставался четким – каллиграфический чертежный шрифт с наклоном в семьдесят пять градусов. Записи вел наблюдатель гидропоста, техник Смирницкий:

«14 октября 1971 г. Уровень воды в ручье Безымянном упал на 4 см. При этом ширина русла увеличилась на полтора метра без обрушения берегов. Почва не оседает. Словно дно реки становится шире за счет уплотнения самого пространства.»

19 октября 1971 г. Измерил расстояние от порога избы до межевого столба 8. Вчера лента показала сорок два метра ровно. Сегодня – сорок шесть метров четыре дециметра. Ленту проверил по компаратору: деформаций нет. Натяжение нормативное – десять килограммов. Сама земля растет изнутри, как дрожжевое тесто.

24 октября 1971 г. Перестал выходить в сумерках. В темноте межи теряют контур. Если отойти от крыльца на двадцать шагов и закрыть глаза, обратный путь занимает пятьдесят. Оно не пускает обратно тех, кто не держит в руке мерный инур».

Илья усмехнулся, захлопнув тетрадь:

– Психоз на почве сенсорной депривации. Обычное дело для зимовщиков-одиночек.

Он взял теодолит, штатив, закинул за спину рейку с сантиметровыми шашечными делениями и вышел на воздух.

Небо оставалось низким, молочно-белым, лишенным теней. Ни ветра, ни движения облаков. Воздух казался слишком густым, словно перед грозой, но барометр-анероид показывал нормальное давление в семьсот шестьдесят миллиметров ртутного столба.

Илья поднялся на бугор к триангуляционной вышке.

В центре деревянного сооружения из земли торчал капитальный репер – чугунный монолитный штырь, вмурованный в бетонную тумбу на глубину промерзания. На шляпке штыря четко читалась отливка: **ГРО 1938 104.**

Это была точка опоры. Начало всех начал. От этой шляпки отсчитывались высоты над уровнем Балтийского моря и географические координаты всей волости.

Илья установил штатив строго над центром репера, опустил нитяной отвес. Острие латунного конуса замерло в полумиллиметре над крестообразной насечкой на чугуне. Он закрепил становой винт, вывел цилиндрический уровень по двум подъемным винтам, повернул алидаду на девяносто градусов, снова подкрутил. Воздушный пузырек в стеклянной трубке послушно встал в нуль-пункт.

Прибор был готов к работе.

Илья прильнул к окуляру зрительной трубы. Оптическое увеличение в тридцать крат приблизило дальний край урочища: изломанный ельник, ржавые заросли осоки, серые камни-валуны. Сетка нитей легла на вершину контрольного межевого столба на противоположной гряде.

Он зафиксировал горизонтальный круг, снял отсчет по микроскопу: 142 градуса, 18 минут, 40 секунд.

Затем отпустил закрепительный винт и плавно повел трубу вправо, к деревянной избе гидропоста.

В поле зрения окуляра всплыло бревенчатое крыльцо. Дверь была закрыта. На лавке стояло пустое ведро.

Илья перевел взгляд на перекрестие тончайших паутинных нитей внутри трубы. И в этот момент его пальцы на наводящем винте застыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.